

Лес прибыл в Париж за два дня до финала Лиги чемпионов.

"Париж, город моды. Анелька, каково это - вернуться домой?" Риберри спросил своего товарища.

Анелька посмотрела на пейзаж за окнами машины и ласково сказала: "Не так уж и плохо".

Анелька родился не в Париже, но его первым профессиональным футбольным клубом был "Париж Сен-Жермен", он достаточно долго пробыл в Париже. Даже сейчас у него все еще есть здесь квартира.

"Эй, эй. Не болтай по-французски. Мы не понимаем, о чем вы, ребята, говорите", - сказала рядом с ними Эшли Янг, чувствуя себя мрачно.

"Во Франции много красивых женщин..." Иствуд посвистел на модную красотку, проходящую с кем-то по улицам на улице.

"Фредди. Ты отец с двумя детьми. Лучше следи за своим имиджем". Танг Эн в шутку сказал спереди, вызвав смех в машине.

Все в команде выглядели очень расслабленными, кроме одного человека.

Когда Танг Эн повернулся назад, чтобы поговорить с Иствудом, он воспользовался случаем, чтобы взглянуть на Джорджа Вуда, сидящего в заднем ряду. Он смотрел из окон в оцепенении, уставившись на пейзаж парижских улиц, и, казалось бы, не знал о том, что только что произошло в машине.

Танг Эн вздохнул изнутри.

Первоначально, так как Джордж Вуд не смог принять участие в матче, ему не пришлось ехать вместе с командой. Но Танг Эн настоял на том, чтобы взять его с собой, надеясь использовать это, чтобы показать Джорджу, что он все еще является важным членом команды. Это может показаться своего рода утешением, но некоторое утешение лучше, чем не иметь ни одного. Вуд должен чувствовать себя аутсайдером; все могли бы с нетерпением ждать финала Лиги чемпионов, но только он один не смог.

И самое главное, Танг Эн не смог утешить Вуда в этот момент. Он не мог, на виду у всех, подойти к Вуду и похлопать его по плечам, сказав: "Все в порядке, Джордж". Даже если ты не можешь быть там, ты все равно член команды".

Таким образом, все будут сосредоточены на Вуде, и это именно то, чего Вуд не хотел.

Танг Эн ничего не мог сделать, кроме как посмотреть на Вуда издалека и вздыхать.

□□□

Когда тренер команды добрался до гостиницы, в которой они проживали, там уже ждали несколько медиа-групп.

Финал долгое время считался в СМИ "финалом между художественным и утилитарным футболом". Естественно, что Барселона представляла сторону художественного футбола. Между тем, из-за настойчивости Ноттингемского леса на оборонительных контратаках и склонности играть в футбол, который выглядел ужасно, но имел прекрасные результаты, они были расценены как представитель утилитаризма.

Танг Ен был крайне недоволен этим. Он не отрицал, что его команда была несколько утилитарной. Тем не менее, он ненавидел то, как просто и жестоко СМИ настроили обе команды друг против друга; они поставили "Барселону" на алтарь и поклонялись им, делая Ноттингемский лес мишенью для их осуждения как в устной, так и в письменной форме.

Ну и что с того, что они играли в уродливой манере? Уродливая игра принесла им победу. Что они могут получить от артистической игры? Не обращайте внимания на то, что Барселона сейчас вся слава; никто не знал, кто будет славным через несколько лет.

Первым, кто вышел из автобуса, был Танг Эн. В тот момент, когда его ноги приземлились на землю, бесчисленные микрофоны протянулись с обеих сторон коридора к его рту. Вопросы шли к нему один за другим, в них не было ничего свежего, большинство из них было связано с отсутствием Вуда на матче. С приближением матча тема отсутствия Вуда в финале только обострилась. Всем хотелось посмотреть, как Лес, который так далеко зашел в первую очередь от обороны, разберется с "Барселоной" после того, как потерял самого важного защитника в своей команде.

"Как мы с ними справляемся? Разве вы не знаете, когда начнется матч?" Танг Эн ворчливо ответил на такие вопросы, как то, что он пробил себе дорогу вперед.

"Господин Твен, как всем хорошо известно, ваша команда вышла в финал только в зависимости от обороны". Разве отсутствие Вуда не сделало бы вас более активным в нападении?" Кто-то из толпы спросил это в верхней части его голоса.

Танг Эн услышал вопрос и сделал паузу, бросив взгляд в сторону голоса. Этот вопрос ткнул его в больное место и дал ему возможность устно выразить свои чувства раздражения, которые он испытывал в последние несколько дней.

"Кто задал этот вопрос?"

Лысый человек встал вперёд. "Я репортер из Мундо Депортиво..."

Он собирался представиться, но был прерван Танг Эном. "Каталонские СМИ"? Неудивительно. Ты что, презираешь защиту? Думаешь, наш выход в финал, зависящий от защиты, позорен? Барселона артистична, очень оскорбительна. Если они настолько хороши, почему бы не посоветовать "Райкаарду" не ставить фуллбэков и вратарей? Они могли бы идти в наступление до конца, быть артистами до конца, верно? Сколько лет вы пишете о футболе? Вы понимаете футбол? Откуда ты?"

Танг Ен был на волосок от того, чтобы следить за "Кто, черт возьми, твоя мать?", но сумел подавить свой гнев в тот критический момент, не давая себя поклясться.

"Ты знаешь, что такое защита на самом деле? Вы понимаете роль защиты в современном футболе? Ты не рад, что мы "только" вышли в финал из-за нашей защиты? Вы так говорите, потому что чувствуете, что команде, которую вы поддерживаете, будет сложно противостоять нашей обороне?"

Танг Ен был на полосе. С таким же успехом он мог бы остаться на месте. Положив свой багаж на пол, он указал пальцем на репортера из "Барселоны" и обучил его. "Посмотрите, что пишут СМИ: финал между художественным футболом и утилитарным футболом! Мы утилитаристы? Позвольте мне подсчитать для вас. С начала 16-го тура и до конца полуфинала, сколько голов забила "Барселона"? Шесть! Сколько забил Ноттингемский лес? Только в восьмом финале мы уже забили пять!" Он открыл ладонь бедному репортеру. "До конца полуфинала мы забили девять! Разве вам всем не нравится судить о атакующей силе команды по количеству забитых мячей? Мы забили девять, а "Барселона" - шесть. Кто утилитарист? Кто атакует?"

Кто-то посреди толпы свистел; звук того, кто злорадствует над чужой бедой, наблюдая за весельем. Всем нравилось смотреть, как Танг Эн делает что-то подобное; это означало, что скоро у них появятся сенсационные новости.

"Моя команда - не цирк для развлечения". У меня нет обязательств выполнять ваши увлечения". Меня волнует только оценка наших сторонников и совета директоров. Лига Чемпионов - моя цель. Неважно, развлекательная она или нет, мне все равно. Художественный футбол? Я не Пикассо. Я не Винсент Ван Гог. До свидания, сэр."

После того, как он выпустил все свои жалобы, Танг Эн поднял чемодан и повернулся, чтобы покинуть шумный вход в отель.

"Ух ты. Босс крут..." Леннон смотрел, звездноглазый.

"Я уже могу предсказать завтрашние заголовки..." Альбертини сказал, несколько беспомощно, рядом с ним.

Финал еще не состоялся, но Ноттингемский лес уже стал центром внимания СМИ. Или, точнее, именно их главный менеджер, Тони Твен, стал фокусом всех. В связи со словами Танг Эн накануне в передней части отеля, испанские средства массовой информации отомстили яростно, заявив, что его отсутствие элементарного уважения, его высокомерие, и как он был полон всякой ерунды.

С другой стороны, ноттингемские и даже английские средства массовой информации поддерживали Танг Эн, ставя в попытке сделать его очень характерный менеджер, распространяя новость, что он сказал, что он сделал из-за его прямолинейности.

Что касается других нейтральных средств массовой информации, они сохранили блестящее отношение, наблюдая за весельем и борясь, чтобы сообщить об этом. Некоторые из названий статей были со вкусом названы "Война между Тони Твеном и Барселоной".

Читатели могли прочитать это, как Тони один бросает вызов команде Барселоны, или как Тони идет против города Барселоны, как Дон Кихот, а также вызов Каталонии, представленной за ней.

Во всяком случае, благодаря моменту опрометчивости Танг Эна, внимание и огневая мощь СМИ соперника полностью сконцентрировались на нем.

Дэвид Керслак нашел это совершенно непонятным. Он знал, что Танг-Эн иногда может быть крайне недолговечен в средствах массовой информации. Он также знал, что его недавнее настроение было не очень хорошим. Возможно, именно из-за приближающейся большой битвы он нервничал до чрезмерной чувствительности. Но в тот момент вопрос репортера не заключался в том, что он голышом бьет, насколько сдержанна стратегия Лесного массива. На самом деле, он был гораздо вежливее, чем комментарии других средств массовой информации. Итак, Керслаке не понимал, почему это вызвало столь сильную вспышку Танг Эна.

На следующий день Танг Эн специально позвонил обслуживающему персоналу и дал ему наводку, попросив купить все доступные спортивные издания. Затем он взял бумаги и перевернул их на страницу со своей фотографией и отчетом о нем. Он аккуратно расположил их на кровати.

Солнечный свет проникал из окон и светил на кровати. Он не понимал ни французского, ни испанского языков, но это не мешало ему восхищаться собственными фотографиями.

Подобно тому, как он восхищался произведениями искусства, он стоял у кровати с опущенной головой, глядя на газеты, издающие аромат чернил.

После того, как Дэвид Керслаке постучал в дверь и вошел, он был полностью загадочен, приехав на эту сцену.

"Тони, что ты делаешь?"

"Как ты можешь сказать, я читаю газету." Не двигая головой, Танг Эн продолжал смотреть на газету на кровати.

"Читаешь вот так?" Керслейк подошел и подражал, как Танг Эн забил себе голову. Кроме этих поразительных фотографий, он больше ничего не мог прочитать.

"Ты можешь это понять?" спросил он.

"Нет необходимости понимать это. Я могу угадать, что они пишут. Без сомнения, это будут те же самые старые вещи... Хочешь, чтобы я срыгнул их тебе?"

Керслейк покачал головой. "Я здесь, чтобы спросить тебя об этом, Тони. Есть что-то странное в том, что ты вчера потерял самообладание на фронте отеля. Я не могу разобраться. Это очень странно. Или действительно... Я почувствовал, что твой характер пришел слишком внезапно."

"Вентиляция эмоций не похожа на игру в матч. Нет необходимости разогреваться заранее..." Танг Эн подошел и указал на газеты на кровати, сказав: "Посмотрите на это. Это все фотографии меня и моего имени. Они все обсуждают меня. Поддерживают ли они меня или проклинают мою мать, все их внимание сосредоточено на мне".

"Ты знаменит, Тони. Но тебе не нужна такая слава..."

"Думаешь, я сделал это ради славы? Тогда я мог бы подняться на Эйфелеву башню, снять всю одежду и прыгнуть с тарзанки". Танг Эн собрал газеты и сбросил их с кровати, прежде чем сам прыгнуть на нее. Он посмотрел на Керслаке, который все еще стоял рядом, и спросил: "Как себя чувствуют игроки?"

"Они все хороши."

"Они нервничают?"

"Некоторые из них нервничают, но не все."

"Все ли в порядке?"

Керслаке кивнул. "Думаю, да."

"А эти репортёры?"

"Они все придумывают, как взять у тебя интервью."

Услышав это от ассистента менеджера, Танг Эн хихикал. "Пусть попробуют."

"Привет, Тони. Ты не ответил на мой вопрос."

"Какой вопрос?"

"Почему ты внезапно потерял самообладание?"

"Ничего особенного... Я просто хотел, чтобы СМИ сфокусировались на мне и дали команде немного пространства. Глядя на это сейчас, я думаю, что я сделал довольно хорошую работу. По крайней мере, никто не будет спрашивать о чертовой стратегии или об отсутствии Вуда на матче". Танг Эн перевернулся на кровать и сел. "Пошли, Дэвид. Пора обедать."

□□□

Во время обеда команда обсуждала между собой вспышку Танг Эна с репортером накануне. Танг Эн также объявил еще одну новость. В свободное от работы время во второй половине дня игроки могли ходить за покупками или делать что угодно по своему выбору. Короче говоря, они не должны сидеть взаперти в гостиничных номерах. Затем, к пяти тридцати годам они должны были вернуться в гостиницу и собраться на стадионе Stade de France, чтобы провести тренировки по адаптации к полю. Из-за факторов вещания финал должен был пройти ночью. Чтобы команда могла привыкнуть к игре в ночное время, Tang En установил тренировку одновременно.

Это решение было встречено болельщиками.

Приехав в Париж, в город моды, где было много красивых женщин, никто не хотел купаться в гостиничном номере. Все молодые люди надеялись выйти на улицу и развлечься в полной мере.

Только Керслаке спокойно напомнил Танг Эну: "Тони, матч на следующий день..."

"Я знаю. Именно поэтому мы должны дать им расслабиться. Всякое беспокойство не пойдет на пользу матчу. Сейчас уже не та эпоха, когда жизнь безмятежна, а только три остановки: отель, тренировочные площадки, стадион. У них у всех есть свои способы развлечения. Мы должны уважать это".

После обеда и короткого послеобеденного перерыва футболисты "Фореста" нашли себе партнеров, с которыми можно было бы отправиться в турне.

Вуд сопровождал маму в поход по магазинам. Те, у кого есть подружки или жены, естественно, ходили на свидания со своими близкими, в то время как одинокие холостяки собирались группами, чтобы пойти искать женщин.

Танг Эн тоже был занят. Он отправился на встречу с Шенайей; они заранее договорились об этом, прежде чем приехать в Париж.

Шенайя оделась как нормальная девушка. Со снятым макияжем она была совершенно отдельно от ледяной красавицы, которая ходила по подиуму. Единственное, что она использовала, чтобы скрыть свое лицо и личность, была огромная пара солнечных очков.

Они договорились встретиться на площади перед Эйфелевой башней. Сегодня был ясный и светлый день. Он был очень подходящим для встречи на открытом воздухе.

"Опять Эйфелева башня... Почти все, кто посещает Париж, приезжают сюда". Ты такой элементарный, дядя Тони." Шенайя вздохнула, наблюдая за переполненным Марсовым полем. Место было выбрано Танг Эном. Когда они разговаривали по телефону, он без колебаний предложил Эйфелеву башню. Это было самое известное сооружение во Франции. Она уже стала своего рода символом Франции и Парижа на международном уровне. Однако, из-за огромного количества людей, посещающих этот район, она никак не могла быть связана с идеей "французской романтики". Хотя издалика это может показаться несколько приемлемым, но масса людей, шум и суета стали очевидны, как только человек приблизился.

"Что из этого? Я простолюдин, - ответил Танг Эн, - все это время непрерывно фотографируюсь с помощью цифрового фотоаппарата.

Шенайя посмотрела на Танг Эна.

"Обязательно делать так много снимков одной башни?"

"Кто сказал, что я фотографирую башню?"

"А?"

"Несмотря на красоту башни, она не может быть так красива, как человек..."

Шенайя закатила глаза. Эта площадь была настолько насыщена туристами, что мимо нее не пропускали ни модные, ни деревенские красавицы.

"Шенайя, сними свои солнечные очки".

"Зачем? Солнце светит..." Хотя Шенайя жаловалась, она все равно их сняла. Сразу же после того, как она их сняла, она прищурилась, а потом вдруг поняла, что объективы фотоаппарата Tang En направлены на нее.

"Да, да. Ты выглядишь лучше без солнцезащитных очков. Знаешь, как ты выглядишь, когда они

на тебе, Шенайя?"

"Что?"

"Жаба".

"Дядя Тони!" Шенайя посмотрела и попыталась разозлить его. Увидев, как затвор в руках Танг Эна щелкнул еще быстрее, она засмеялась. "Хорошо. Мне все равно не нравится носить солнечные очки... Но кто меня спросил..."

"Кто просил тебя стать знаменитым? Посмотри на меня, я не ношу солнечных очков".

"Это потому, что ты носишь их на тренировочных площадках", - ответила Шенайя.

Танг Эн опустил камеру и выключил ее. Потом он спросил Шенайю: "Хочешь мороженого?"

Под Эйфелевой башней был магазин, торгующий мороженым.

Шенайя колебалась и надувала, пока качала головой. "Думаю, нет... Боюсь, я растолстею. Модели всегда должны заботиться о своих фигурках..."

Танг Эн внезапно засунул камеру в руки Шенайи. "Съев ванну с мороженым, ты сразу не растолстеешь". Я не хочу, чтобы ты был, как эти модели, диетировал, пока они не умрут с голоду на подиуме". Здоровье важнее всего. Подожди здесь. Я пойду куплю мороженое".

Говоря так, Танг Эн повернулся и пошел широкими шагами к переполненному магазину мороженого.

Шенайя опустила голову и включила цифровую камеру. Затем она пролистала фотографии, только что сделанные Танг Эном. Неожиданно она не увидела на карте памяти фотографий многочисленных незнакомых красавиц. На всех снимках была только одна главная зацепка: она, Джуди Шенайя Джордана.

Фотографии того, когда она оглядывалась вокруг в солнечных очках, разговаривала в бородавках, или того, что она делала, например, когда надувала мешочки, подбрасывала волосы, улыбалась, закатывала глаза, или когда она сердито смотрела. Где была Эйфелева башня? Она не смогла найти ни одной. Не было ни одной фотографии, на которой была бы видна даже тень высокой и красивой "железной леди".

Когда Шенайя смотрела сквозь них, на ее лице росла улыбка.

А потом она подняла фотоаппарат и посмотрела в сторону магазина мороженого. Через экран Клэри увидела, как дядя Тони держал в каждой руке конус мороженого, пытаясь выжать его из толпы людей.

Он не был похож ни на человека, который стоял на обочине поля, чтобы смело вести свою команду в бой, ни на того, кто участвовал в страшных словесных баталиях со СМИ вне поля; ни на дерзкого и энергичного, самого молодого и горячего менеджера Европы Тони Твена.

Шенайя сфокусировал объективы на Танг Эне среди толпы, увеличил масштаб, а затем нажал на затвор.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/869897>